

Э. МАЛЭК

Вновь обнаруженный список юмористических курантов

(К истории смеховой литературы Древней Руси)

В репертуаре древнерусской литературы XVII в. видное место принадлежит текстам, пародирующим форму деловых документов. К ним относятся сатирические лечебники и рецепты (например, «Лечебник на иноземцев», «Рецепт, чем лечитца человеку похмельному»), послания (например, «Послание дворительное недругу»), азбуки (например, «Азбука о голом и небогатом человеке») и т. д. Несмотря на то что многие из них сохранились лишь в поздних списках, исследователи, не колеблясь, вносят их в список произведений древнерусской письменности.

Иначе обстоит дело с открытыми и введенными в научный оборот еще В. П. Адриановой-Перетц¹ юмористическими курантами (авизиями). Ни она сама, ни последующие исследователи (в том числе и пишущая эти строки) не пытались даже ставить гипотезу о древнерусской «родословной» этих текстов.

Но совсем недавно, знакомясь с описанием Музейской коллекции ГИМ, я обратила внимание на сборник под № 194, в котором, судя по описанию, находились «синодичные и литературные статьи», «помянник», а также «путевые записки из Константинополя (в описании так! — Э. М.), Трептова, Гамбурга, Гистрова, Гишпани, Лондона, Парижа».

«Перечень» мест, из которых посылались «путевые записки», показался мне знакомым (за исключением как-то не укладывающегося в цепочку остальных топонимов Константинополя). Примерно такой же набор городов встречался в опубликованных В. П. Адриановой-Перетц и Н. Н. Розовым смехотворных авизиях. Но самые ранние из известных до сих пор списков тех пародийных курантов датировались 1730-ми гг., а список, хранящийся в ГИМ, относится к 80-м гг. XVII в.: не доверять Т. В. Диановой, которая провела датировку «всех рукописей (значит, и той, которая нас в данный момент интересует. — Э. М.) по справочным альбомам водяных знаков»,² я бы, разумеется, не посмела.

Оставалось предположить, что или совпадение наименований городов и стран в «путевых записках» из Музейской коллекции ГИМ с наименованиями местностей, из которых посылались смехотворные авизии, случайно, или в описании рукописи допущена какая-то ошибка.

¹ Адрианова-Перетц В. П. Юмористические куранты // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. 1948. Т. 67. С. 48—56.

² Каталог рукописей Музейского собрания Отдела рукописей ГИМ // Вопросы источниковедения и палеографии / Отв. ред. Т. В. Дианова. М., 1993. С. 9.

На проверку оказалось, что там и в самом деле читаются те же авизии, которые один из героев «Гистории о купце» получал от своих друзей иноземцев и которые «желающим многим людям продавал по 2 и 4 копейки каждую».³

Подборка не имеет общего заглавия и открывается авизией «Ис Копенгагина» (л 46), кончается же авизией «Ис Парижа», в которой объединены сюжеты, читавшиеся в других списках в двух разных статьях. Однако общее количество необычных сюжетов и порядок их следования не отличается в принципе от количества и порядка авизий в других списках.

О чем свидетельствует эта находка? Если датировка рукописи верна, то перед нами самый ранний список авизий, причем довольно неисправный, с многочисленными ошибками письма, пропусками, искажениями смысла и т. п., что позволяет предположить существование копий еще более раннего времени. А в таком случае смехотворные авизии должны пополнить список произведений древнерусской письменности, пародирующих деловые жанры.

Дополнительным аргументом в пользу передатировки смехотворных курантов может служить и тот факт, что в рукописи ГИМ рядом с авизиями читаются «Письма до хана турецкого от запорожцев», а в других известных списках XVIII в. куранты помещались бок о бок с произведениями сатирической литературы XVII в.

Дальнейшая судьба смехотворных курантов напоминает судьбу других известных произведений так называемой демократической письменности XVII в. Они то переписывались в виде самостоятельного текста (в таких случаях переписчики следовали более или менее верно за протографом, хотя некоторые из них, пытаясь усугубить контраст между деловой формой и необычным содержанием авизий, ставили вслед за указанием на местность, из которой они посылались, точные даты⁴ или датировали их такими нелепыми числами, как «31 февраля, 54 листопад, 38 грудень»⁵), то присоединялись композиционно к другим произведениям низовой письменности (например, к изданной Н. Н. Розовым по спискам РНБ, О.ХVII.17 и собр. Титова, № 3543 «Гистории о купце»), а к началу 1770-х гг. попали в печать.⁶ Интересно, что в печати они связывались то с русской (В. Г. Рубан придал им заглавие, намекающее на связь авизий с шутом Балакиревым), то с польской традицией (плутовской роман о Совест-Драле был переведен с польского языка).

Обнаруженный нами ранний список позволяет отодвинуть время появления смехотворных курантов на Руси на несколько десятилетий назад, но не снимает вопроса об их происхождении и авторстве. Не исключено, что при решении этих вопросов опять поможет какая-нибудь случайная, но счастливая находка.

³ Цит по публикации Розов Н. Н. «Гистория о купце», неизвестный памятник посадской сатирической литературы XVIII в. // XVIII в. М., Л., 1958. Сб. 3. С. 444. Пользуясь случаем поблагодарить Л. И. Сазонову, которая по моей просьбе посмотрела рукопись ГИМ и сделала для меня копию курантов.

⁴ Так, например, в списке БАН, 32.6.15 авизии датируются разными числами июля и августа 1744 г., в списке РГБ, собр. Ундольского, № 925 — июлем и августом 1754 г.

⁵ Так в рукописи ИРЛИ, ф. 265, оп. 3, № 9. Цит по Николаев С. И. Из истории польской сатирической литературы в России (XVII—первая половина XVIII в.) // ТОДРЛ. СПб., 1992. Т. 45. С. 309.

⁶ Как установил С. И. Николаев, несколько авизий было напечатано В. Г. Рубаном в «Трудолюбивом муравье» (1771 № 12. С. 93—94) а полная подборка вошла в издание «Похождений Совест-Драла», опубликованных в Санкт-Петербурге не ранее 1775 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Ис Копенгагина

л 46

Копенгагинская круглая башня на сих днях поидет замуж и будут на банкете из Гамбурха 367 печи в немецких епанчах да в церемонии маршалком ис Парижа триумфалныя ворота с вымпелом, 12 бестионов — шафарам, 40 пажей картаулных пушек, 12 быков трубачей да литаврщик шти каменной.

Ис Трептов

Там пребывают в добром здравии состояни, токмо с мотря [так!] погодою сломало голов и с великого штурма повредило желутки и оттог[о] хлеб стал дорог.

В Неаполе ратуша ходит без галстука в немецком кафтане без штанов, а магистрат, сидя на печи, чрез реку обувает сапоги. Дам [так!] все поехали на море в коретах цуками с острогами и в шпорах журавлей ловить. И будут ездить морем до масленицы.

Из Гамбурга

Мекленбургской баур застрелил в лесу леща шириною в два пуда да изловил рака в 3 аршина. //

В Ростке у мещанина в ренжерей 746 кувшинов разцвели и стручье л 46 об
попели, в которых находится довольно стерляде живых, а в тои ренжерее колодезь и в нем трактирной дом с высоким убором и цветниками.

Из Гистрова

От Гистрова до Курляндии дорогу своротили и пуговицы нашить до подолу, рыбаки много наловили огурцов свежих и солят в патоке, а цитронов из верьшей еще не вынимали. Там же репу вялят и прядут и намерен из нее делать сукна, а с рыбы шерсть стригут и для того строитца на море новая шляпная фабрика, и великую гавань перенесли сухим путем на фурманар в Брандебург и чтоб торговые купцы с караблями там приставали.

Из Гишпании

Город Кадикс выконопатили и вывели на море: стоят на море и дожидаются способных ветров итить в Галандию нагружать реткою, понеже галанцам в ретки немалая нужда, а впредбудущей год намерены грузить парною репою. //

Из Лондона

л 47

В Лондане маркитанты убили корову и нашли в ней два галиота и два бота, на которых сидят люди все живы, а товары все погнили. Кобыла ожеребила 280 раков, каждый величиною по 6 фунтов, курица индейская отели 3-х бычков да четвертаго козла, а все ворон многое число от Висла острова осетров вылетело и на ратуше гнезда повили и много высидели куликов, а шерсть на куликах свиная величиною с барана, а голос дикого гуся.

Ис Парижа

В Приморских лесах довольно шук живых мерою сажень по осми, только их повреждают тюлени, а протчая мелкая рыба от стрельбы, которая происходит от ловцов, вся перевязла. Молодых журавлей ловят неводами и берут ис Парижа в мистри для обучения танцмейстерству. А ис французских лебедей 80 кораблей выбрали в драбанты и станут обучать на шахматах ездить.